

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923(316.47)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ НА РЕВНОСТЬ ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ

д-р психол. наук, проф. И.А. ФУРМАНОВ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Сравнение коммуникационных реакций на ревность у индивидов с различными стилями привязанности позволило выявить наличие значимых различий в следующих стратегиях: интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация, избегание/ отрицание, насильственная коммуникация/ угрозы, контроль/ ограничение, контакт с соперником. Различий в реакциях активного дистанцирования, негативной аффективной экспрессии, компенсации/ замещения, манипуляции не выявлено. Индивидов с надежным стилем привязанности значимо отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию интегративной коммуникации; индивидов с опасливым стилем привязанности – избегания/ отрицания, контактов с соперником; индивидов с озабоченным стилем привязанности – дистрибутивной коммуникации, насильственной коммуникации и угроз, контроля/ ограничений, контактов с соперником; индивидов с отвергающим стилем привязанности – избегания/ отрицания.

Ключевые слова: коммуникационные реакции на ревность, надежный, озабоченный, отвергающий, опасливый стили привязанности.

Теория привязанности была первоначально предложена как основа для изучения влияния родительско-детского взаимодействия на развитие психических моделей себя и других, и, впоследствии, на личностное развитие и безопасность ребенка [1–4]. Эти модели располагаются в позитивно-негативном континууме и базируются в значительной степени на прошлом опыте индивида, полученном в близких отношениях [3, 5–7], т.е. представляют собой обобщенные когнитивные схемы, которые основываются на внутренних репрезентациях о том, как привязанность в отношениях должна функционировать. Их активация происходит, когда возникает угроза привязанности в отношениях [3–5, 7]. Определенные эмоциональные и поведенческие реакции людей на эти угрозы, в свою очередь, определяются ожиданиями в межличностных отношениях [8, 9]. Индивиды с позитивными моделями самости самодостаточны и уверены, тогда как индивиды с негативными моделями самости отличаются нехваткой уверенности и требуют нескончаемых внешних подтверждений [10, 11]. Индивиды с позитивными моделями других рассматривают отношения как полезные, а потенциальных партнеров как благосклонных, восприимчивых и одобряющих. Напротив, индивиды с негативными моделями – как относительно бесполезные или несущественные.

Теория привязанности также предполагает, что внутренние рабочие модели могут повлиять на склонность испытывать ревность. Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [12, 13].

D.J. Sharpsteen и L.A. Kirkpatrick [9], например, отметили четыре независимых параллели между привязанностью и ревностью: (1) обе функционируют, чтобы поддержать близкие отношения; (2) обе вызваны угрозами привязанности в отношениях; (3) вовлекают фундаментальные эмоции страха, гнева и печали и (4) обеими управляют ментальные модели близких отношений. В свете этих общих черт фактически вполне обоснованно использовать научную парадигму привязанности, чтобы предсказать паттерны ревности в близких межличностных отношениях [9, 14, 15].

Детские и взрослые типы привязанности. Наблюдения позволили M.D.S. Ainsworth, M.C. Blehar, E. Waters, S. Wall [1] определить три различных типа привязанности: надежный, тревожно-амбивалентный и избегающий. Дети надежного типа рассматривают своих попечителей как надежные источники комфорта и безопасности. Тревожно-амбивалентные, напротив, – как непоследовательные и противоречивые, что приводит к неопределенности и дивергентности эмоциональных реакций, которые характеризуются амбивалентностью – колеблются от активного поиска близости к вспышкам гнева. Тревожно-амбивалентные дети также могут обвинить себя в непоследовательности их попечителя. Дети избегающего типа имеют относительно негативные модели других и активно избегают контакта с попечителем. Часто попечители детей избегающего типа пренебрежительно относились к ним либо чрезмерно, либо недостаточно стимулировали их, принуждая ребенка стать сепарированным и обороняющимся [1, 16].

Ментальные модели также определяют поведение взрослых, особенно когда они переживают стресс или негативный аффект [17]. С. Hazan и Р. Shaver [18] утверждали, что взрослые обладают теми же самыми типами привязанности, как и дети. Они установили, что взрослые, которые определяли себя как надежных, тревожно-амбивалентных или избегающих, различались друг от друга восприятием себя, других и отношений. В частности, *надежные* отмечали, что являются любящими, рассматривают других как принимающих и полных благих намерений, а любовь воспринимают как что-то изменяющееся в течение отношений. *Тревожно-амбивалентные* сообщили о наличии неуверенности в себе, о волнующих переживаниях, что другие недостаточно заботятся о них, о желании более близких отношений, и что они легко и с большой эмоциональной интенсивностью влюбляются. *Избегающие* обозначали, что они могут прожить относительно хорошо сами и что романтическую любовь трудно найти и она редко сохраняется [18]. Из этих описаний следует, что надежные имеют позитивные модели себя и других; тревожно-амбивалентные – негативные модели себя, а избегающие – негативные модели других.

Более конкретное осмысление связи между ментальными моделями и типами привязанности было представлено К. Bartholomew [10, 19], который предложил четыре отличных друг от друга типа привязанности. Каждый из них характеризуется различной комбинацией моделей Я и Других. *Надежный (secure) стиль привязанности* характеризуется позитивными моделями себя и других, уверенностью в себе и интересом к установлению и поддержанию отношений. *Озабоченный (preoccupied) тип привязанности* (схожий с тревожно-амбивалентным) отличается негативной моделью Я, но позитивной моделью Других. Следовательно, индивиды с этим типом привязанности имеют сильные потребности во внешнем подтверждении, хотя бы чрезвычайно близких отношений и часто озабочены этими отношениями. *Отвергающий (dismissing) тип привязанности* предполагает позитивную модель себя, но негативную модель других. Поэтому отвергающие не интересуются развивающимися привязанностями с другими. Вместо этого отвергающие часто сосредотачиваются на работе или хобби и развивают модель себя как абсолютно самостоятельную [10, 11, 20]. *Опасливый (fearful) тип привязанности* характеризуется негативными моделями как себя, так и других. У этих индивидов есть несовместимые потребности. С одной стороны, они ищут внешнее подтверждение (признание) и желают близости в отношениях, с другой – они не доверяют другим и боятся отвержения. Многим из них причинили боль в прошлых отношениях, и они не хотят поставить себя под угрозу снова.

Привязанность и ревность в близких межличностных отношениях. N.L. Collins и S.J. Read [7] утверждали, что стиль коммуникации индивида создает социальную среду, которая навсегда сохраняет ожидаемые последствия и укрепляет ментальные модели. В случае переживания ревности индивиды могут совершать действия, которые укрепляют их высокие или низкие уровни самоуважения, а также их позитивные или негативные установки к налаживанию отношений близости.

Было установлено, что некоторые отношения характеризуются большим количеством ревности, чем другие. В свое время G.L. White и P.E. Mullen [21] предположили, что теория привязанности может помочь объяснить, почему некоторые отношения досаждают большей интенсивностью ревности, чем другие. Определенно, ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, вероятно, регулируют и то, как переживается ревность. В частности, исследования последовательно демонстрируют, что люди с тревожным стилем привязанности испытывают больше ревности, чем люди с надежными стилями [6, 9, 14]. Кроме того, С. Radecki-Bush, А. D. Farrell, J. P. Bush [15] выявили, что люди, обладающие тревожными стилями привязанности, оценивали угрозы отношениям как более серьезные, чем люди с надежными стилями привязанности. В свою очередь, более высокие оценки угрозы коррелировали с более негативными эмоциональными реакциями.

Ревность редко переживается исключительно внутрилично. Чаще всего, ревность также выражается посредством действий и межличностного общения. Было выявлено, что межличностное общение изменяется в зависимости от названных выше четырех типов привязанности. В исследованиях заботливого поведения L.J. Kuncie и P.R. Shaver [16] установили, что надежные и озабоченные индивиды обеспечивали своих партнеров наибольшим физическим комфортом. Надежные также были максимально чувствительными к потребностям их партнеров. Озабоченные и опасующиеся сообщили о чрезмерно навязчивых паттернах заботы.

Точно так же, как типы привязанности обладают различиями в эмоциональном выражении и межличностном общении [14, 19, 22], обнаруживаются отличия и в том, как индивиды с разными стилями привязанности выражают ревность.

В настоящий момент существует только одно исследование, посвященное изучению связи категории стиля привязанности и показателей выражения ревности. По мнению L.K. Guerrero, P.A. Andersen, P.F. Jorgensen, B.H. Spitzberg, S.V. Eloy [23], выражение ревности включает действия как спонтанного выражения эмоции ревности, так и стратегической коммуникации, которая направлена на других. Был

определен ряд типов коммуникационных реакций на ревность, которые являются релевантными выражению ревности. В результате проведенного исследования было установлено, что индивиды с различными типами привязанности отличаются по использованию этих коммуникационных реакций на ревность, а ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, регулируют выражение эмоции и отражают тенденции к приближению или уходу от других [14].

Все вышеизложенное дает основания предполагать, что вариативность реакций на ревность представляет возможность исследовать различия в стилях привязанности, поскольку ревность – одно из самых сильных переживаний людей, испытываемых в близких межличностных отношениях. Кроме того, есть причины ожидать, что существуют значимые отличия в способах совладания с ревностью у индивидов с различными стилями привязанности.

Дизайн исследования

Инструментарий. Для определения стилей привязанности и способов выражения ревности в близких межличностных отношениях использовались следующие методики:

– «Шкала взрослой привязанности» (AAS – *Adult Attachment Scale*) [17], адаптированная И.А. Фурмановым [24]. Опросник состоит из 18 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта. Определяет выраженность трех типов привязанности: близости, зависимости, тревоги. Использование четвертого измерения – избегания, согласно рекомендации авторов методики [25], позволило соотнести полученные стили с категориями стилей привязанности в модели К. Bartolomew и L. Horovitz [19]: надежный (близость), опасливый (зависимость), озабоченный (тревога), отвергающий (избегание);

– «Коммуникативные реакции на ревность» (CRJ – *Communicative Responses to Jealousy*), разработанная Л.К. Guerrero, Р.А. Andersen, Р.Ф. Jorgensen, В.Н. Spitzberg, S.V. Eloy [23], адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым и А.О. Вергейчик [26]. Опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по 7-балльной шкале. Выявляет 10 типов интерактивных реакций на ревность: активное дистанцирование (АД), негативную аффективную экспрессию (НАЭ), интегративную коммуникацию (ИК), дистрибутивную коммуникацию (ДК), избегание/ отрицание (ИО), насильственную коммуникацию/ угрозы (НКУ), контроль/ ограничение (КО), компенсацию/ замещение (КЗ), манипуляцию (М), контакт с соперником (КС) [27].

Выборка. В исследовании приняло участие 507 человек. Однако из выборки были исключены респонденты, имеющие одинаковые высокие оценки по двум и более шкалам стилей привязанности. В результате выборка составила 453 человека (мужчины, $N = 217$; женщины, $N = 236$). Средний возраст 28,5 лет. По стилям привязанности респонденты распределились следующим образом: надежные составили 50,6, опасливые – 20,8%, озабоченные – 16,6% и отвергающие – 12,1%.

Статистика. Были рассчитаны дескриптивная статистика для стилей привязанности, однофакторный дисперсионный анализ для сравнения средних значений нескольких выборок и t -Стьюдента для сравнения двух независимых выборок.

Результаты и их обсуждение. Сравнение коммуникационных реакций на ревность в выборках респондентов с различными стилями привязанности позволило выявить наличие значимых различий в следующих стратегиях: интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация, избегание/ отрицание, насильственная коммуникация/ угрозы, контроль/ ограничение, контакт с соперником (табл.). Различий в реакциях активного дистанцирования, негативной аффективной экспрессии, компенсации/ замещения, манипуляции не выявлено.

Таблица. – Различия в коммуникационных реакциях на ревность в выборках респондентов с различными стилями привязанности

Реакции	F-Фишера	Уровень значимости
Активное дистанцирование	0,30	0,582
Негативная аффективная экспрессия	0,96	0,327
Интегративная коммуникация	6,69	0,010
Дистрибутивная коммуникация	5,97	0,015
Избегание/отрицание	5,00	0,026
Насильственная коммуникация/угрозы	5,73	0,017
Контроль/ограничение	5,47	0,020
Компенсация/замещение	1,07	0,301
Манипуляция	3,80	0,052
Контакт с соперником	17,80	0,0001

Более детальный анализ указанных различий позволил выявить наиболее выраженные тенденции реагирования на ситуацию ревности у индивидов с той или иной разновидностью привязанности (рис.).

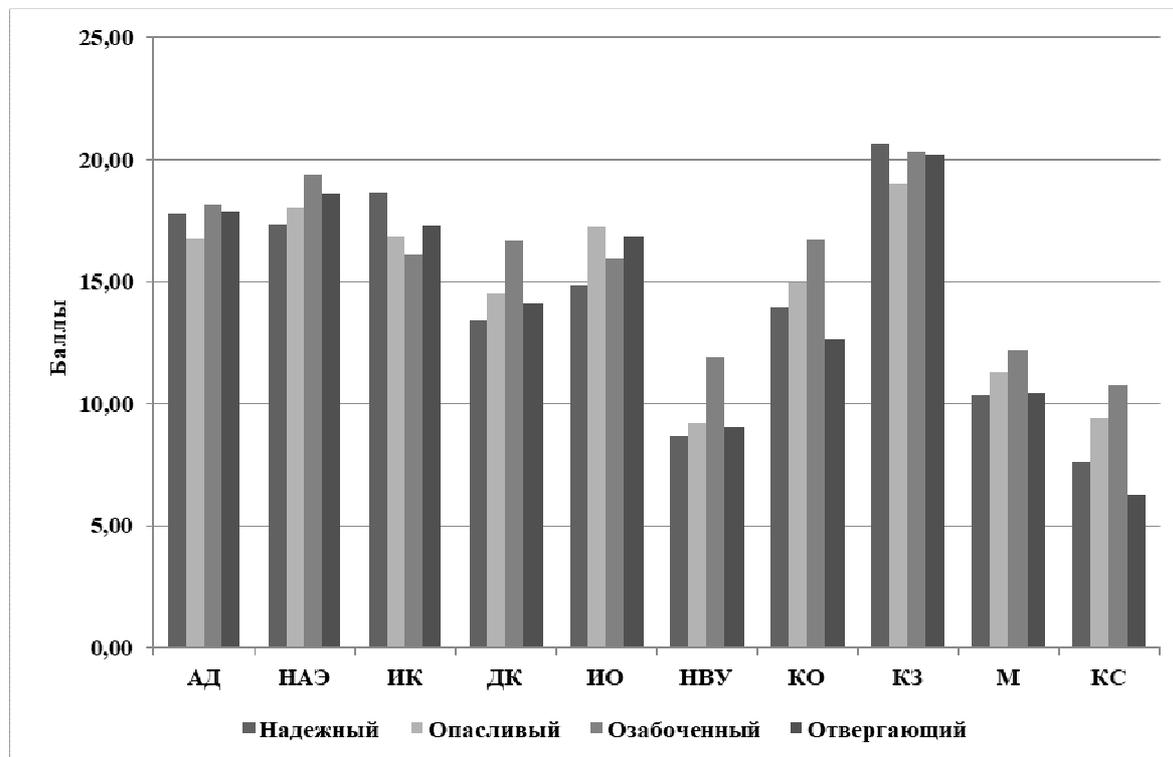

Рисунок. – Наиболее выраженные тенденции реагирования на ситуацию ревности у индивидов с той или иной разновидностью привязанности

Интегративная коммуникация. Данная реакция является наиболее выраженной у индивидов с надежным стилем привязанности ($M = 18,66$, $SD = 7,16$), наименее – с озабоченным стилем ($M = 16,11$, $SD = 8,45$). Самые значимые различия надежных наблюдаются с озабоченными ($p = 0,011$) и опасаясь ($p = 0,005$), с отвергающими различий не выявлено.

Дистрибутивная коммуникация. Наиболее сильно проявляется у индивидов с озабоченным стилем привязанности ($M = 16,65$, $SD = 7,48$), наименее – с надежным стилем ($M = 13,44$, $SD = 7,62$). Причем самое значимое доминирование озабоченных отмечается над надежными ($p = 0,002$) и отвергающими ($p = 0,05$).

Избегание/отрицание. Склонность к такого рода реагированию характерна в большей степени для индивидов с опасливым ($M = 17,26$, $SD = 6,62$) и отвергающим ($M = 16,84$, $SD = 6,41$) стилями привязанности, в наименьшей – с надежным ($M = 14,85$, $SD = 6,16$). Различия между этими стилями значимо достоверны (соответственно, $p = 0,002$ и $p = 0,034$).

Насильственная коммуникация/угрозы. Данная агрессивная реакция является наиболее выраженной у индивидов с озабоченным стилем привязанности ($M = 11,92$, $SD = 7,54$) и ее величина значимо отличается от таковой у индивидов с надежным ($p = 0,001$), опасливым ($p = 0,013$) и отвергающим ($p = 0,026$) стилями привязанности.

Контроль/ограничение. Наиболее рельефно проявляется у индивидов с озабоченным стилем привязанности ($M = 16,73$, $SD = 9,09$), наименее – с отвергающим стилем ($M = 12,65$, $SD = 7,78$). Самые значимые различия озабоченных наблюдаются с отвергающими ($p = 0,008$) и надежными ($p = 0,016$), с опасаясь различий не выявлено.

Контакт с соперником. Наклонность к такого рода реагированию характерна в большей степени для индивидов с озабоченным ($M = 10,77$, $SD = 6,79$) и опасливым ($M = 9,38$, $SD = 6,77$) стилями привязанности, в наименьшей – с отвергающим ($M = 6,29$, $SD = 5,38$). Различия между этими стилями значимо достоверны с отвергающим (соответственно, $p < 0,0001$ и $p = 0,004$) и надежным (соответственно, $p < 0,0001$ и $p = 0,023$) стилями привязанности.

Таким образом, полученные данные позволили выявить специфические особенности реакций индивидов с различными стилями привязанности на ситуацию, вызывающую ревность.

Индивидов с *надежным стилем привязанности* значимо отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию интегративной коммуникации и воздержанию от стратегий дистрибутивной коммуникации, избегания/ отрицания, насильственной коммуникации и угроз.

Надежный стиль привязанности характеризуется чувством комфорта и в близких, и в автономных отношениях, высоким показателем самооценности и самоуважения, способностями установления близких и удовлетворяющих личных отношений, ожиданием, что другие люди обладают отзывчивостью и добротой. Например, в исследованиях Hazan и Shaver [18] *надежные* индивиды отмечали, что являются любящими, рассматривают других как принимающих и полных благих намерений, а любовь воспринимают как что-то, изменяющееся в течение отношений.

Исходя из этого, их коммуникация должна опираться на позитивное представление о других и, следовательно, привести к дружественному, аффилиативному стилю социального взаимодействия. Кроме того, поскольку они, вероятно, будут более гибкими и приспособленными к различным ситуациям и партнерам по отношениям [11], то просоциальная коммуникация с партнером и активные попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером представляются вполне закономерными. С. Radecki-Bush, A. D. Farrell, J. P. Bush [15] также установили, что надежный стиль привязанности был связан с меньшим количеством ревности, дистресса, страха, гнева, стыда и вины и с большей количеством безопасности, контроля и уважения после открытия конкурирующих отношений. Помимо этого, в других исследованиях отмечается, что стратегия сотрудничества, которая предполагает сильное беспокойство по поводу себя и других в конфликтных ситуациях, значимо связана с надежным стилем привязанности [28].

Индивидов с *опасливым стилем привязанности* существенно отличает от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию избегания/ отрицания, контакт с соперником и уклонение от насильственной коммуникации и угроз.

Опасливые находятся в очень сложном положении, поскольку должны бороться с несовместимыми чувствами и желаниями. С одной стороны, они ищут внешнюю валидизацию и близкие отношения, с другой – не доверяют другим и испытывают страх отвержения [10]. Существование этих противостоящих тенденций обусловлено наличием негативных моделей Я и Других. Они рассматривают себя как недостойных любви, а других – как неприемлемых. Как ни странно, но отказываясь рискнуть и сделать себя уязвимым для других, они лишают себя возможности для установления доверительных, близких отношений, которые смягчили бы их страхи. Исходя из этого, в стилях коммуникации индивидов с опасливым типом привязанности должна отражаться тенденция любыми способами избегать социальных ситуаций, сопряженных повышением тревоги и страхом отвержения в отношениях [22]. Поскольку, как показали исследования [14, 19], опасливые имеют негативные модели других, ценят автономию или испытывают страх интимности, отличаются недостатком асертивности, являются более социально чувствительными и тревожными и рассматривают стимулирующую ревность ситуацию как более угрожающую, то они, вероятнее всего, будут избегать обсуждения вопросов, связанных с ревностью, а также выражения прямых, агрессивных вербальных и невербальных угроз или насильственных действий над партнером.

Кроме того, было установлено, что опасливые индивиды переживают больше когнитивной ревности [14]. Возможно, негативные модели Я, во-первых, принуждают их делать больше социальных сравнений и судить о себе как менее желанных, чем потенциальные конкуренты, а, во-вторых, рассматривать своих партнеров как обладающих более привлекательными альтернативами, что в свою очередь может заставлять их волноваться о потере партнеров в пользу потенциальных конкурентов. Таким образом, из-за страха потери своих партнеров в пользу конкурентов опасливые могут чувствовать себя агрессивными из-за перспектив сепарации и завидовать конкурентам, а следовательно, предпринимать попытки «устранения» конкурента.

Индивидов с *озабоченным стилем привязанности* значимо отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию дистрибутивной коммуникации, насильственной коммуникации и угроз, контроля/ ограничений, контактов с соперником и неготовность к использованию стратегии интегративной коммуникации.

Озабоченные индивиды, обладая позитивной моделью других, будут очень аффилиативными, но менее гибкими, чем, например, надежные. К. Bartholomew [10] утверждал, что озабоченные обладают низкими уровнями самоуважения и чрезмерно зависят от партнеров по отношениям. Эта зависимость обусловлена сильной потребностью в получении одобрения других и укрепления самооценки. При угрозе близким отношениям озабоченные могут чувствовать себя потерянными, нелюбимыми и неспособными справиться с такой ситуацией. Скорее всего, они будут предпринимать усилия, чтобы удовлетворить потребность в зависимости, будут цепляться за отношения и сопротивляться любым попыткам партнера

деэскалации или прекращения близких отношений. Эти сильные потребности в аффилиации и внешней валидации, вероятно, и будут мотивировать их к прямой, асоциальной коммуникации с партнером, агрессивному вербальному выражению угроз, попыткам решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером, вплоть до насильственных действий, а также активной коммуникации с конкурентом с целью противостоять сопернику.

В некоторых исследованиях отмечается [22], что показатель, который отличает озабоченных, – нехватка уверенности – был положительно связан с подозрением, беспокойством, страхом, печалью и завистью. Угроза отношениям и ощущение опасности могут, таким образом, побудить озабоченных участвовать в контролирующем поведении именно потому, что они, вероятно, будут чувствовать высокий уровень тревоги и неопределенности отношений. Снижение уровня тревоги и неопределенности в реальных или потенциально конкурирующих отношениях может как раз и достигаться через участие в таких действиях, как «шпионаж», или слежка за партнером.

Индивиды с озабоченным стилем привязанности могут использовать слежку еще и из-за того, что они чувствуют значительную неуверенность и дистресс в виду возможной потери их партнеров в пользу конкурентов. Этот дистресс может также заставлять их собирать больше информации о конкурирующих отношениях.

Индивидов с *отвергающим стилем привязанности* существенно отличает от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию избегания/ отрицания и воздержанию от стратегий насильственной коммуникации и угроз, контроля/ ограничений и контактов с соперником.

Из четырех типов стиля привязанности отвергающие чаще всего рассматривали отношения как вторичные [14, 29], что обусловлено высоким самоуважением, но относительно негативным отношением к другим. Таким образом, отвергающий стиль привязанности характеризуется довольно высоким чувством самоценности, уверенности человека в себе, убежденностью, что он достоин любви. Однако этот стиль также отличается недоверием и негативным отношением к другим людям. Как отмечали К. Bartholomew и L.M. Horowitz [19], отвергающие защищают себя от разочарования, избегая близких отношений и поддерживая чувство независимости и неуязвимости. Тем не менее, являясь противниками зависимых отношений, они испытывают потребность в принятии другими с тем, чтобы поддержать позитивное самоуважение и защитить себя от негативных переживаний в ситуации, вызывающей ревность.

Исследованиями было установлено, что отвергающие чувствовали меньше связанного с ревностью страха и печали, чем представители других стилей [14]. Эти результаты отражают относительную обособленность чувств отвергающих. Таким образом, если отвергающие индивиды пытаются минимизировать или сузить эмоциональные переживания, отрицать потребности в близости и чрезмерно вкладываются в автономию, то они могут укреплять свои негативные модели других с помощью стратегий избегания, т.е. предпринимать непрямые действия с целью избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Помимо этого, исследования показали, что отвергающие индивиды чаще, чем другие, используют защитную проекцию от негативной информации о себе, которая также, как можно предположить, служит вторичной цели – поддерживать межличностную дистанцию [30].

Выводы:

1. Сравнение коммуникационных реакций на ревность в выборках респондентов с различными стилями привязанности позволило выявить наличие значимых различий в следующих стратегиях: интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация, избегание/отрицание, насильственная коммуникация/угрозы, контроль/ограничение, контакт с соперником. Различий в реакциях активного дистанцирования, негативной аффективной экспрессии, компенсации/ замещения, манипуляции не выявлено.

2. Индивидов с надежным стилем привязанности значимо отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию интегративной коммуникации и воздержанию от стратегий дистрибутивной коммуникации, избегания/отрицания, насильственной коммуникации и угроз.

3. Индивидов с опасливым стилем привязанности существенно отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию избегания/отрицания, контакт с соперником и уклонение от насильственной коммуникации и угроз.

4. Индивидов с озабоченным стилем привязанности значимо отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию дистрибутивной коммуникации, насильственной коммуникации и угроз, контроля/ограничений, контактов с соперником и неготовность к использованию стратегии интегративной коммуникации.

5. Индивидов с отвергающим стилем привязанности существенно отличают от индивидов с другими стилями привязанности тенденции к использованию избегания/отрицания и воздержанию от стратегий насильственной коммуникации и угроз. контроля/ограничений и контактов с соперником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M.D.S. Ainsworth [et al.]. – Hillsdale, NJ : New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – 391 p.
2. Bowlby, J. Attachment and loss. Vol. 1. Attachment / J. Bowlby. – New York : Basic Books, 1969. – 362 p.
3. Bowlby, J. Attachment and loss. Vol. 2. Separation. Anxiety and anger / J. Bowlby. – New York : Basic Books, 1973. – 325 p.
4. Bowlby, J. Attachment and loss. Vol. 3. Loss sadness and depression / J. Bowlby. – New York : Basic Books, 1980. – 355 p.
5. Bowlby, J. The making and breaking of affectional bonds / J. Bowlby // *British Journal of Psychiatry*. – 1977. – Vol. 130. – P. 201–210.
6. Bretherton, I. Open communication and internal working models: Their role in the development of attachment relationships / I. Bretherton // *Nebraska Symposium on Motivation*. R.A. Thompson (Ed.). – Lincoln : University of Nebraska Press, 1988. – P. 57–113.
7. Collins, N.L. Cognitive representations of attachment: The structure and function of working models / N.L. Collins, S.J. Read // *Advances in personal relationships*. Vol. 5. Attachment processes in adulthood / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA : Kingsley, 1994. – P. 53–90.
8. Feeney, B.C. The effects of adult attachment and presence of romantic partners on physiological responses to stress / B.C. Feeney, L.A. Kirkpatrick // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – Vol. 70. – P. 225–270.
9. Sharpsteen, D.J. Romantic jealousy and adult romantic attachment / D.J. Sharpsteen, L.A. Kirkpatrick // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 72. – P. 627–640.
10. Bartholomew, K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective / K. Bartholomew // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 1990. – № 7. – P. 147–178.
11. Bartholomew, K. From childhood to adult relationships: Attachment theory and research / K. Bartholomew // *Learning about relationships* / S. Duck (Ed.). – Newbury Park, CA : Sage, 1993. – P. 30–62.
12. Buunk, B.P. Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity / B.P. Buunk, P. Dijkstra // *Personal Relationships*. – 2004. – Vol. 11(4). – P. 395–409.
13. Dijkstra, P. Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective / P. Dijkstra, B.P. Buunk // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1158–1166.
14. Guerrero, L. K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy / L. K. Guerrero // *Personal Relationships*. – 1998. – Vol. 5. – P. 273–291.
15. Radecki-Bush, C. Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal / C. Radecki-Bush, A.D. Farrell, J.P. Bush // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 1993. – Vol. 10. – P. 569–588.
16. Kuncie, L.J. An attachment-theoretical approach to caregiving in romantic relationships / L.J. Kuncie, P.R. Shaver // *Advances in personal relationships*. Vol. 5. Attachment processes in adulthood / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA : Kingsley, 1994. – P. 205–237.
17. Simpson, J.A. Stress and secure base relationships in adulthood / J.A. Simpson, W.S. Rholes // *Advances in personal relationships*. Vol. 5. Attachment processes in adulthood / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA : Kingsley, York: Basic Books, 1994. P. 181–204.
18. Hazan, C. Conceptualizing romantic love as an attachment process / C. Hazan, P. Shaver // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 29. – P. 270–280.
19. Bartholomew, K. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model / K. Bartholomew, L.M. Horowitz // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – № 61. – P. 226–244.
20. Feeney, J.A. Emotion in close relationships / J.A. Feeney, P. Noller, N. Roberts // *Handbook of communication and emotion: Research, theory, applications, and contexts* / P.A. Andersen, L.K. Guerrero (Eds.). – San Diego, CA : Academic Press, 1998. – P. 473–505.
21. White, G.L. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G. L. White, P. E. Mullen. – New York : Guilford Press, 1989. – 340 p.
22. Guerrero, L.K. Attachment-style differences in intimacy and involvement: A test of the four- category model / L.K. Guerrero // *Communication Monographs*. – 1996. – Vol. 63 (4). – P. 269–292.
23. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L.K. Guerrero [et al.] // *Western Journal of Communication*. – 1995. – Vol. 59. – P. 270–304.
24. Кашина, А.А. Взаимосвязь коммуникативных реакций на ревность в романтических отношениях у студентов с различными стилями привязанности / А.А. Кашина // *Неопубликованная дипломная работа*. Научный руководитель И.А. Фурманов. – Минск, 2016. – 68 с.
25. Collins, N.L. Letter to Colleagues. August, 2008 [Электронный ресурс] / N.L. Collins. – Режим доступа: [https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc](https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult_Attachment_Scale.doc). – Дата доступа: 05.03.2016.
26. Фурманов, И.А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И.А. Фурманов, А.О. Вергейчик // *Психологический журнал*. – 2012. – № 1–2 (31–32). – С. 81–89.

27. Фурманов, И.А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И.А. Фурманов // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 2. – С. 73–83.
28. Karairmak, Ö. Gender Differences in Attachment Styles Regarding Conflict Handling Behaviors Among Turkish Late Adolescents / Ö. Karairmak, N.O. Duran // *International Journal for the Advancement of Counselling*. – 2008. – Vol. 30(4). – P. 220–234.
29. Feeney, J.A., Assessing adult attachment: Developments in the conceptualization of security and insecurity / J.A. Feeney, P. Noller, M. Hanrahan // *Attachment in adults: Theory, assessment, and treatment*. M.B. Sperling, W.H. Berman (Eds.). – New York : Guilford Press, 1994. – P. 128–152.
30. Mikulincer, M. Adult attachment style and the perception of others: The role of projective mechanisms / M. Mikulincer, N. Horesh // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 76. – P. 1022–1034.

Поступила 14.08.2018

COMMUNICATIVE REACTIONS TO JEALOUSY OF INDIVIDUALS WITH DIFFERENCES ATTACHMENT STYLES

I. FOURMANOV

Comparison of communication reactions to jealousy at individuals with differences attachment styles has allowed to reveal presence of significant distinctions in strategy integrative communications, distributive communications, avoidance/ denial, violent communications /threat, surveillance/ restriction, rival contacts. Distinctions in reactions of active distancing, negative affective expression, compensatory restoration, manipulations it is not revealed. Individuals with secure attachment style significantly distinguishes from individuals with other attachment styles of a tendency to use of integrative communications, individuals with fearful attachment style – avoidance/denial, rival contacts, individuals with preoccupied attachment style – distributive communications, violent communications and threats, surveillance/ restriction, rival contacts, individuals with dismissing attachment style – avoidance/ denial.

Keywords: *communicative reactions to jealousy, secure, preoccupied, dismissing, fearful attachment styles.*